

Слобожанин Алексей Вячеславович, Валеева Галина Викторовна

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТЕ Л. И. ШЕСТОВА "АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ"

Статья посвящена реконструкции этического содержания работы русского экзистенциального философа Л. И. Шестова. Авторами устанавливается нетипичный для остальных работ данного мыслителя внерелигиозный подход к исследованию проблем этики. Выделено три группы основополагающих этических вопросов, поднимаемых в данной работе: метафизические и антропологические основания морали, представления о добродетелях и изображение пороков в художественных произведениях. Дан обзор второстепенных этических проблем, затрагиваемых в произведении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/8/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(82) С. 186-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 17.03

Философские науки

Статья посвящена реконструкции этического содержания работы русского экзистенциального философа Л. И. Шестова. Авторами устанавливается нетипичный для остальных работ данного мыслителя внерелигиозный подход к исследованию проблем этики. Выделено три группы основополагающих этических вопросов, поднимаемых в данной работе: метафизические и антропологические основания морали, представления о добродетелях и изображение пороков в художественных произведениях. Дан обзор второстепенных этических проблем, затрагиваемых в произведении.

Ключевые слова и фразы: этика; русская этика; мораль; русский экзистенциализм; экзистенциальная этика; нравственная жизнь; добродетели; пороки; этика Л. И. Шестова.

Слобожанин Алексей Вячеславович, к. филос. н.

Валеева Галина Викторовна, к. филос. н.

Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого

Tiaen@rambler.ru

ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТЕ Л. И. ШЕСТОВА «АПОФЕОЗ БЕСПОЧВЕННОСТИ»

Проблема реконструкции этического учения выдающегося представителя русского экзистенциализма Л. И. Шестова довольно подробно освещается в научных работах. Прежде всего, делается акцент на исследовании таких основополагающих в этическом отношении произведений, как «На весах Иова» и «Добро и зло в учении графа Толстого и Ницше». В настоящей статье мы обращаемся к работе «Апофеоз беспочвенности» [5], которая на первый взгляд далека от исследования специфических этических проблем. Вместе с тем, нам видится полезной реконструкция нравственных проблем, затрагиваемых в данном произведении, для понимания этических воззрений философа в целом. Отметим, что этические вопросы здесь рассматриваются без учета отношения между человеком и Богом, религиозной веры, что не свойственно другим произведениям Л. И. Шестова.

Работа «Апофеоз беспочвенности» – попытка мыслителя в краткой афористичной форме представить свои взгляды на отдельные проблемы метафизики, эстетики, гносеологии. Данная форма не предполагает систематического и последовательного раскрытия взглядов автора. На основании анализа этой работы нами выделены три тематические группы размышлений Л. И. Шестова, имеющих непосредственное отношение к этике:

- 1) метафизические и антропологические основания морали;
- 2) представления о добродетелях;
- 3) изображение пороков в художественных произведениях.

Кроме того, мы выделяем отдельные нравственные категории (совесть, эгоизм и т.д.).

Первая группа проблем структурируется вокруг нескольких вопросов. Один из них: «Каковы основания подлинной нравственности?». Такими основаниями оказываются отсутствие безопасности, неукорененность и происходящие из них бесстрашие и расточительность. Шестов указывает, что с последними качествами человек редко встречается в нравственной жизни: «Бесстрашие и расточительность – эти две добродетели не к лицу смертным, которым прилично, ввиду их бессилия и бедности, всегда трепетать и считать каждый свой грош. Оттого-то эти добродетели так редко встречаются между людьми» [Там же]. Основанием неподлинной морали являются природа, закон и логика. Природа у Шестова выступает как злое начало. Он пишет: «Ведь ни один деспот, ни один из величайших злодеев, когда-либо державших в своих руках земную власть, не проявлял такой жестокости и бессердечия, какие проявляет природа» [Там же]. Природа существует согласно жестким и неизменным законам, взаимосвязям между причинами и следствиями. Законы природы общеобязательны. Подобно законам природы, на общеобязательность претендуют и законы логики, определяющие познание и отношение к природе и обществу. Хотя Шестов достаточно критично высказывается о разуме, мы солидарны с позицией И. А. Майданской, что это не свидетельствует о крайнем иррационализме: «Шестов ясно предвидел беды, которые несет человеку абсолютизация научной рациональности, отсюда его страстные речи – предостережения против слепого доверия разуму, которые при поверхностном чтении воспринимаются как иррационализм» [2, с. 72-73]. Нравственность становится утилитарно-общеобязательной истиной. Затрагивая проблему автономности морали, Шестов отмечает, что автономность рационалистической этики разбивается о социально-утилитарные преграды, например, патриотического характера: «Если даже Афины погибли из-за мудрости Сократа, то это против нее ничего не говорит... Так должен бы рассуждать автономный мыслитель. Но de facto мыслитель не очень любит ссориться с отечеством и всегда старается свои вечные идеи приноровить ко временным нуждам людей» [5]. Отношение между двумя формами нравственной жизни передаются мыслителем через метафору развития бабочки. Мыслитель пишет: «Гусеница обращается в куколку и долгое время живет в теплом и покойном мирке. Если бы она обладала человеческим сознанием, может быть, она сказала бы, что ее мир есть лучший из миров, даже единственно возможный. Но приходит время, и какая-то неведомая сила заставляет ее начать работу разрушения. Если бы другие гусеницы могли видеть, каким ужасным делом она занимается, они, наверное, возмутились бы до глубины души, назвали бы ее безнравственной, безбожной, заговорили бы о пессимизме, скептицизме и т.п. вещах.

Уничтожать то, созидание чего стоило таких трудов! И затем, чем плох этот теплый, уютный, законченный мир!» [Там же]. Мир куколок (неподлинной нравственности) является миром комфортным, не требующим поиска пропитания. Мир бабочек (подлинной нравственности) более опасен и требует активности, но именно в бабочке раскрываются красота и подлинное предназначение гусеницы.

Вторая группа состоит в следующем. Слово «добродетель» более пятидесяти раз встречается в тексте работы, что свидетельствует о значимости проблемы добродетели и порока для Л. И. Шестова. Отметим, что академического определения данных категорий у Шестова нет, но некоторые характеристики и закономерности их соотношений в работе выделить можно. Порок переходит, а по сути, переименовывается в добродетель при бессилии человека его изменить: «Когда человек замечает в себе какой-нибудь недостаток, от которого он никакими способами не может избавиться, – ему ничего больше не остается, как объявить этот недостаток качеством» [Там же]. Обществом подобные переименования часто поддерживаются, создается эффект «голового короля». Например, все знают, что убийство есть безнравственный поступок. Но при этом военных награждают за убийства, мотивируя это высокой социальной значимостью. Шестов называет добродетелями такие категории, как: непостоянство, эгоизм, трусость и страх. Укажем, каким образом последние могут считаться добродетелями. Трусость и страх часто порождают рефлексирующую личность, неспособную дать сиюминутную реакцию. Тем самым они помогают развитию искусства, осознанию мира и даже развитию культуры в целом. Однако в рамках общей концепции Л. И. Шестова страх оказывается относительным. Как указывает И. Евлампиев, «...он считает возможным для человека преодолеть этот страх и тем самым освободиться от ничто, стать абсолютно свободным через соединение с Богом» [1, с. 130]. С другой стороны, негативную оценку получают в работе такие качества, как трудолюбие (в рассуждении о гениальности систематический труд в развитии гения обозначается как «труд развития осла»), долг и постоянство (оказываются лишь гарантией безопасности в утилитарном смысле), справедливость (является основанием зла, Каин убивает Авеля за несправедливость Бога), душевное спокойствие (Шестов сравнивает это состояние с животным, предлагая посмотреть на человека в таком состоянии как «на пасущуюся овцу или корову»). Несколько особняком стоят у Шестова категории сострадания и любви. Они не получают жесткой негативной оценки, но рассматриваются как препятствие для «метафизического полета».

Перейдем к третьей группе проблем. Работа «Апофеоз беспочвенности» по причинам особенности ее создания (часть произведения должна была быть в работе, посвященной И. С. Тургеневу) включает в себя множество рассуждений на литературные темы. Это неудивительно, так как русский экзистенциализм основан на литературе [3]. Интересным в этическом отношении нам видится то, что Л. И. Шестов обращается к проблеме изображения порока. Философ изначально отвергает идею, что пороки в литературе изображаются для их искоренения в реальной жизни, причем нехарактерно ссылаясь на элементарный исторический опыт. По мнению Шестова, порок в литературе невольно изображается как нечто хорошее, влекущее к себе своей загадочностью: «...на самом деле, современного думающего человека влечет к преступнику не чувство сострадания, которому, бесспорно, уместнее было бы принять сторону жертвы, а любопытство, если угодно, любознательность» [5]. Более того, в жизни самих писателей читателя интересуют не добродетели, а пороки. Шестов много рассуждает об этом на примере жизни и творчества Л. Н. Толстого. Таким образом, художественная литература оказывается бессознательным транслятором порока в массы, ее воспитательный потенциал является практически нулевым.

Отдельно укажем вопросы нравственного характера, о которых Л. И. Шестов говорит совсем мало. Такими являются следующие вопросы и проблемы: значение и специфика любви в жизни русских писателей (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский), отношение к правде и лжи у различных писателей и мыслителей (Сократ очень остро реагирует на ложь, а для А. П. Чехова ложь скучна), мстительность нравственных людей (они желают использовать мораль для того, чтобы мстить от лица всего человечества), эгоизм (Шестов оценивает его положительно; как замечает А. В. Филатов, это связано с тем, «что философская позиция Шестова не торопится осудить, но пытается понять эгоизм личности, крайние формы которого обусловлены силой ощущаемой трагедии» [4, с. 259]).

Итак, мы видим, что произведение Л. И. Шестова «Апофеоз беспочвенности» содержит в себе множество этических идей, одни из которых исследуются в остальных работах мыслителя, а другие так и остались в дальнейшем без внимания. Таким образом, в данной работе этическая проблематика не имеет целостной системы, базируется на нехарактерных для Шестова светских основаниях. Ведущими линиями исследования нравственности стали метафизические, антропологические основания нравственности; соотношение добродетелей и пороков и изображение последних в художественной литературе.

Список источников

1. **Евлампиев И. И.** Концепция человека в русском экзистенциализме // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. № 10. С. 122-133.
2. **Майданская И. А.** Экзистенциальная критика разума в русской философии // Наука. Искусство. Культура. 2014. № 4. С. 65-74.
3. **Павленко А. Н.** Достоевский и рождение русского экзистенциализма. Человек из «Подполья» // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 11-25.
4. **Филатов А. В.** Лев Шестов – эгоизм как важнейшая черта трагической личности // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 256-259.
5. **Шестов Л. И.** Апофеоз беспочвенности [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/shestov/shestov_1_apofeoz_bespoch (дата обращения: 25.05.2017).

ETHICAL PROBLEMS IN L. I. SHESTOV'S WORK "APOTHEOSIS OF GROUNDLESSNESS"

Slobozhanin Aleksei Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
Valeeva Galina Viktorovna, Ph. D. in Philosophy
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tiaen@rambler.ru

The article is devoted to reconstruction of ethical content of the work by the Russian existential philosopher L. I. Shestov. The authors identify atypical for the rest of the works of this thinker non-religious approach to the study of ethical problems. Three groups of fundamental ethical questions raised in this work are singled out: metaphysical and anthropological bases of morality, ideas of virtues and depiction of vices in works of art. A review of secondary ethical issues touched upon in the work is given.

Key words and phrases: ethics; Russian ethics; morality; Russian existentialism; existential ethics; moral life; virtues; vices; L. I. Shestov's ethics.

УДК 94(571.54)

Исторические науки и археология

После победы большевиков в Гражданской войне ими был взят курс на создание национальных воинских формирований. Строительство новой армии незамедлительно требовало подготовки значительного количества кадров, владеющих национальными языками. В этой связи в статье на основе газетных публикаций, архивных данных и личных воспоминаний исследуется история создания, особенности комплектования и развития Бурят-Монгольской кавалерийской школы по подготовке младших командиров.

Ключевые слова и фразы: национальное военное строительство; национальная политика; коренизация; подготовка национальных кадров; Буркавшкола; Бурят-Монгольская АССР.

Соболева Анастасия Николаевна, к.и.н.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
soboleva03_88@mail.ru*

**ПОДГОТОВКА ПЕРВЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ КАДРОВ
В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЕ**

Создание национальных воинских подразделений и частей в 20-30-х гг. XX в. – один из своеобразных экспериментов большевистского руководства, тесно связанный с общегосударственной политикой, получившей наименование «коренизация». Данная политика выражалась в создании национально-территориальных автономий, подготовке и продвижении на руководящие должности представителей национальных меньшинств, а также предполагала внедрение местных языков в делопроизводство и образование.

Следует отметить, что особенностью военного строительства в национальных регионах страны являлось то, что в большинстве из них не было обязательного военного призыва. Буряты, например, в дореволюционной России, так же как и некоторые другие народы национальных окраин, не привлекались к военной службе. Исключение составляли лишь буряты, состоявшие в казачьем сословии. С установлением советской власти решено было усилить работу в данном направлении. В ноябре 1924 г. была разработана пятилетняя программа, которая должна была придать военному национальному строительству единообразие, систематичность и целеустремленность.

В национальных республиках и областях началось формирование воинских частей: в Таджикистане и Киргизии – кавалерийских полков, в Туркменистане и Казахстане – кавалерийских дивизий, в Узбекистане – кавалерийских и стрелковых дивизий, в Татарской АССР – территориально-стрелковой дивизии, в Бурят-Монгольской АССР – кавалерийского полка. Это требовало, в свою очередь, незамедлительного открытия военных школ для подготовки национального командного состава.

Огромные затруднения на пути развертывания национального военного строительства вызывали специфические особенности призывных контингентов: низкий уровень образования, культурно-языковые различия; кроме этого, имелся дефицит командиров и политработников, владеющих национальными языками. С этими проблемами столкнулось и руководство Бурят-Монгольской АССР. На собраниях работников БурЦИКа, Бурятского обкома и военного командования не раз поднимались следующие вопросы: как отнесется население к призыву бурятской молодежи в армию? Смогут ли буряты-кочевники приспособиться к условиям казарменной жизни? Будут ли вольные степняки соблюдать железную воинскую дисциплину? Способны ли они к воинской службе с точки зрения морального духа и физической выносливости?

После соответствующих консультаций и согласований с руководством республики командующий 5-й армией И. П. Уборевич 15 апреля 1924 г. направил в Реввоенсовет СССР телеграмму, в которой изложил свои